

Русскому «Кружку» Женевского университета 50 лет! | Le «Kroujok» russe de l'Université de Genève!

Автор: Жорж Нива (пер. Л. Бабаевой), [Женева](#) , 27.10.2014.

В здании Бастион Женевского университета с 1972 года обитает русский Кружок (© Nashagazeta.ch))

3 и 4 ноября в Женеве будет отмечаться полувековой юбилей этого уникального явления русского зарубежья. О наиболее ярких моментах истории Кружка вспоминает его бессменный, с 1972 года, руководитель, почетный профессор Женевского университета Жорж Нива.

|

Professeur Georges Nivat qui dirige ce groupe unique depuis 1972 se souvient des moments les plus marquants de ce demi-siècle.

Le «Kroujok» russe de l'Université de Genève!

Я вспоминаю большой зал на улице Колладон. Он был полон. В углу – слегка сутулая фигура Александра Галича: высокий лоб, тонкие усы, сильный голос. «Когда я вернусь, о, не смейтесь! Когда я вернусь...». Зал знал наизусть стихи барда, известного в то время во всем СССР, изгнанного из родной страны, как и многие другие. Решение Леонида Брежнева, принятое в 1974 году, отправить «на их любимый Запад» главных диссидентов, стало для нас королевским подарком и абсурдной потерей для России. Это решение напоминает мне стихи Иннокентия Анненского: «И было мукою для них, что людям музыкой казалось». В тот вечер Галич долго пел, и я до сих пор слышу «Облака плывут, облака, не спеша плывут как в кино...» Галичу предстояло умереть три года спустя от удара электрическим током в его парижской квартире, вскоре после Венецианского биеннале, посвященного культуре диссидентов, где я слышал его пение в последний раз.

Благодаря решению Брежнева мы получили Андрея Синявского, который пять-шесть раз приезжал к нам; Владимира Максимова, который участвовал, в частности, в нашем круглом столе, посвященном старой и новой волнам русской эмиграции; Виктора Некрасова, дядя которого жил в Лозанне и упрекал своего племянника за то, что тот предал социализм (дядя оставался эсером). Некрасов часто останавливался у Наташи Танс, которая была одним из завсегдатаев Кругжа.

Другой бард, Окуджава, также приезжал несколько раз и даже посвятил мне стихотворение, сравнив меня с Жоржем Дантесом, моим «тёзкой» - к счастью, в выгодном для меня свете... «Тёзка» - непере译имое на французский язык слово, оно означает людей, которых связывает общее имя, один и тот же святой покровитель, один и тот же ангел-хранитель.

Иногда мне кажется, что Кругжок всех нас сделал «тёзками», у нас была общая святыня: русская культура. Русская культура в изгнании, в застое, *in partibus infidelium* (лат. «в стране неверных», «заграницей»), в некотором роде. Таким образом, Брежнев отправил к нам лучших артистов, актеров, музыкантов, писателей – на тот Запад, который, по его мнению, эти неблагонадежные «диссиденты» обожали, и где они, скорее всего, погубили бы свои тело и душу... Они здесь пустили корни так же, как и их предшественники – Бунины и Зайцевы, и их снedaла та же ностальгия, которая была порой еще более мучительной. «Когда я вернусь, о, не смейтесь!... » Они вернулись много времени спустя, но не все.

Среди тех, кто неоднократно был гостем нашего Кругжа, мне хочется упомянуть Андрея Амальрика: он выглядел, как молодой богатырь, горячий и дерзкий, явившийся прямиком из своего «Нежеланного путешествия в Сибирь». Публика, собравшаяся его послушать, заполнила нашу самую большую аудиторию, и если схемы русской идеологической радуги, которые он чертил на черной доске, были малоубедительны, то его голос звучал подобно горну. Он погиб по дороге в Мадрид, где собирался свидетельствовать против СССР в отношении «третьей корзины Хельсинки». Синявский, с ироничной улыбкой, бородой, которая придавала ему вид чуть ли не пророка, мягким, иногда шепчущим, голосом, не раз пленял нас, говоря о русских иконах, русских песнях, русском ГУЛаге, о «них и о нас» (зеках и палачах), а также о глоссолалии в лагерях...

Виктор Некрасов – единственный, кто говорил также и о Западе. Единственный, кто

фланировал по улицам Парижа и Женевы, обожал кафе дю Коммерс в Каруже. Однажды, когда Булат Окуджава с женой Ольгой за неимением швейцарской визы поселились у меня в Верхней Савойе, туда приехал также Виктор Платонович (которого мы чаще называли «Вика») и захотел силой увлечь Булата в Швейцарию. Это закончилось небольшой ссорой. В тот раз Булат пел не в Женевском университете, а в одном из кафе плато Борн во Франции. Позвякивание вилок все не утиhalo, это сердило Булата, но мы все же слышали песни его репертуара, который тогда все знали, и его серьезный голос, вибрирующий, будто в преддверии признания, с дрожащими кодами: «Я дворянин с Арбатского двора», «Старинная солдатская песня», и т.д.

Кружок пережил несколько «геологических пластов» русской эмиграции. К нам приезжали «отцы-основатели»: Марк Слоним, бывший самый молодой депутат Всероссийского учредительного собрания 1918 года, автор книги «Три любви Достоевского», замечательный рассказчик, который мог рассуждать о средствах юмора Лескова два вечера подряд; Вадим Андреев, сын автора отчаянного призыва к миру против большевиков – S.O.S.(«Save our Souls» - «Спасите наши души») 1918 год. (Следует заметить, что Вадим Леонидович, в отличие от своего отца, получил советский паспорт, но в СССР, однако, не вернулся.) Владимир Варшавский, автор книги «Незамеченное поколение», посвященной русскому Монпарнасу до и после войны. С ними я работал над будущей программой в Баварской пивной, которая была расположена у моста Монблан и которой теперь уже нет...

Кружок начал свою работу не в стенах Университета, а в одном из залов в глубине ресторана «22 кантона», его основателями были Тихон Троянов, сделавший карьеру адвоката, и крупный коллекционер Сергей Крикорян. Позднее я выставлял в Фонде Бодмера книгу из библиотеки Крикоряна – «Слово о полку Игореве» издания 1800 года, редчайший экземпляр, найденный им в Стамбуле. Троянов и Крикорян встретились во Франкфурте-на-Майне, в обществе, имеющем отношение к журналу Народно-трудового союза «Посев».

Кстати, самую первую лекцию прочитала главный редактор «Посева» Наталья Тарасова; ее выступление было посвящено совсем еще молодому грузинскому поэту по имени Булат Окуджава... Кружок переехал в университет, где кафедрой славистики руководил мой предшественник Мишель Окутюрье. Он принимал Ирину Одоевцеву, приходившую рассказать о Николае Гумилеве. Я возглавил Кружок в 1972 году.

Из числа эмигрантов предыдущей волны мы слушали приехавших из Америки Георгия Иваска и Глеба Струве; профессора Николая Ефремовича Андреева, уроженца Таллина, учившегося Кондакова в Праге, а затем ставшего профессором в Кембриджском университете; Владимира Вейдле, русского эмигранта в Париж; историка искусства Бориса Лосского, показавшего «монументальный облик старого Санкт-Петербурга».

Часто бывала у нас Зинаида Шаховская, автор произведения «Моя Россия, одетая в СССР», главный редактор газеты «Русская мысль», к которой Амальрик приходил объяснить, что настало время уступить ему свое кресло... Княжна рассказывала нам о Бунине, о России начала XIX века, о русских писателях, писавших на иностранных языках. Мы также имели честь принимать ее брата, православного архиепископа Его Преосвященство Иоанна Сан-Францисского.

Среди симпозиумов, организованных кафедрой славистики, заключительным событием которых стал большой круглый стол, проведенный в рамках заседания Кружка, отмечу памятную конференцию «Одна или две русские литературы». В сущности, это была одна из наших крупных исследовательских тем. Марк Слоним, бывший главный редактор пражского журнала «Воля России», публиковавший Марину Цветаеву, отстаивал идею единства, а Владимир Вейдле, автор книги «Россия отсутствующая и присутствующая», отстаивал идею дуализма, но стал объектом насмешек Марии Розановой, жены Синявского. В апреле 1978 года мы проводили публичные дискуссии с участием Зинаиды Шаховской, Иосифа Бродского, Ефима Эткинда, Андрея Синявского, Михаила Геллера – все они были постоянными друзьями Кружка. В соавторстве с Александром Некричем Геллер написал «Утопию у власти», а его анализ извечного русского раскола между славянофилами и западниками прозвучал по-новому. Во встречах принимали участие также два замечательных нерусских слависта: Витторио Страда из Венеции, известный своей монументальной «Историей марксизма», и Анджей Дравич из Варшавы, один из первых комментаторов «Мастера и Маргариты».

Это побуждает меня сказать несколько слов о зарубежных славистах, ставших друзьями кафедры русского языка и Русского кружка в Женеве. Помимо Страды и Дравича, у нас бывал крупный польский историк славянофильского движения Анджей Валицкий, американский историк российского царского режима Марк Раефф, американский специалист творчества Ходасевича Джон Мальмстад, французский специалист в области фантастического и поэтического у Достоевского Жак Катто, а также специалист по истории России XVIII века Владимир Берелович, который рассказывал, кроме прочего, о «русских интеллектуалах без интеллигенции» – поистине, весьма щекотливая тема... Добавим также профессора Гарвардского университета Сечкарева, приезжавшего с выступлением о Толстом в творчестве Алданова, самого популярного из авторов русской эмиграции во Франции. А еще упомянем Виктора Эрлиха из Йельского университета, пионера исследований, посвященных русскому формализму.

Я упомянул Ефима Эткинда. Он был кипучим интеллектуалом и щедро делился своими мыслями со студентами, часто приезжал к нам, в частности, чтобы поговорить о «материи стиха» – захватывающая тема, которой он владел превосходно, жонглируя всеми европейскими поэзиями или составляя огромный мартиролог русских поэтов, истребленных сталинским режимом.

Геллер со своей женой приходили поговорить о кино, в частности, о Параджанове, которому мы посвятили день почтения и поддержки, когда он находился в советской тюрьме. Благодаря активной поддержке Фредди Бюаша, директора Швейцарской кинематеки в Лозанне и крупного знатока советского кино, мы посвятили несколько вечеров Дзиге Вертову, Кулешову, Пудовкину, Эйзенштейну. Традиция, которую продолжили в последние годы Лунгин и его фильм «Царь», Андрей Эшпай и его фильм «Многоточие», посвященный Виктору Некрасову и его богемной жизни в подростковом возрасте в Киеве, а также серия великолепных фильмов Александра Сокурова, приезжавшего представить своего Ленина («Телец») и своего Гитлера («Молох»), и, позднее, «Жила-была одна баба» Андрея Смирнова, потрясающая сага, поднимающая вопрос о причинах жестокости русских во время гражданской войны. Мы принимали также автора прекрасных документальных фильмов Иосифа Пастернака и показывали, в частности, его двухсерийный фильм о городе Ефремове, о котором Чехов однажды сказал, что все законы Империи прибывали к его воротам и

там увязали...

Завсегдаем Кругжа был Шимон Маркиш, сын расстрелянного Сталиным еврейского поэта, а сам - переводчик Плутарха и Эразма Роттердамского, специалист русскоязычной еврейской литературы начального периода (Жаботинский) и революционной эпохи (Бабель). Большим другом Шимона был культовый актер Юрский, с этим многогранным актером, писателем, режиссером мы до сих пор поддерживаем дружеские отношения. Покойному Виктору Гвоздицкому, последнему великому романтическому исполнителю на русской сцене, мы обязаны потрясающими перевоплощениями, его «Подпольный человек» незабываем. Вспоминаем мы и Михаила Левитина, приезжавшего со своим московским театром «Эрмитаж», Николая Шейко, постановщика «Мелкого беса» Сологуба, где сыграл одну из своих последних ролей Гвоздицкий. До них к нам приезжали актеры Анатолий Шагинян и Лев Круглый с женой, большие друзья Виктора Некрасова.

До перестройки было трудно приглашать советских писателей – те, кого нам хотелось бы услышать, были «невыездными». Однако был благословенный период, когда Союз писателей отказался присылать своих официальных представителей, но, не раздумывая, финансировал поездки тех, кого хотели принять мы: Беллу Ахмадулину, Владимира Солоухина, который получил выездную визу в последний момент, так как в то время был в немилости. Я упомянул «подарок» Брежнева, но следует упомянуть еще и вот этот. Наконец, наступила глубокая перемена 1974 года: это были времена поэта Бродского и поэтессы Горбаневской. Относительно Бродского я странным образом ошибся в расчетах, так как заказал аудиторию на 700 мест, а пришло лишь человек двадцать. Но звучный голос Бродского был от этого лишь сильнее. Горбаневская приезжала несколько раз, и ее поэтический, тонкий и настойчивый голос неизменно очаровывал нас. Невозможно забыть встречи с Георгием Владимовым, автором романа «Генерал и его армия», Юрием Мамлеевым, автором скандального романа «Шатуны», Натальей Ильиной, которая приезжала к нам из Харбина, намереваясь в то время репатрироваться в СССР. Ради Натальи Ильиной, не имевшей швейцарской визы, нам снова пришлось переместиться в соседнюю Францию.

Некоторые из наших гостей сегодня забыты, но в не меньшей степени заслуживают быть упомянутыми в этой хронике. Например, советский дипломат Владимир Соколин, который жил изолированно от остальных эмигрантов - в 1939 году он отказался подчиниться, получив распоряжение вернуться в Москву. «Мне было страшно», - признался бывший дипломат, оставшийся, тем не менее, верным социализму. Замечательный русско-чешский прозаик Николай Терлецкий, о котором, я думаю, еще вспомнят. Эссеист Майя Каганская, эмигрировавшая в Иерусалим, которая умела элегантно сочетать критику с литературным вымыслом. Богослов Краснов-Левитин, трогательная фигура «Живой Церкви», диссидентской церкви, сфабрикованной властью против митрополита Сергия в 1920-е годы, но у которой были также искренние приверженцы, к которым он относился - он жил в Люцерне один и трагически закончил свой путь в озерных водах.

Надо было слышать запись выступления покойного поэта Дмитрия Александровича Пригова, с его мифологическим и неотвязным минимализмом, вечера Александра Зиновьева, который то говорил громовым, то очаровывающим голосом, то провозглашал себя первым антисталинским заговорщиком, то выдавал себя за певца нового социального «прокрустова ложа», разработанного Сталиным. Или поэта

Вадима Козового, друга французского поэта Рене Шара и корреспондента газеты «Bataille» - в своем анализе стихотворения Пастернака «Тема с вариациями» он за два часа дошел до второго слова и лишь в ответ на мои мольбы остановился, *in medias res* (лат. «на самом важном»). Да, Кружок был своеобразным местом выступлений, наслаждений и мук для его завсегдатаев.

Дружба с сыном поэта-символиста Вячеслава Иванова побудила меня посвятить три семинара Вячеславу Великолепному. Его сын, Дмитрий Вячеславович, был очень привязан к Швейцарии, учился в колледже в немецкой части страны и взял в качестве литературного псевдонима название поселка над городом Тонон-ле-Бен. Со своей сестрой Лидией и их общей подругой, певицей Грациеллой Шутти, мы организовали песенный концерт на стихи Вячеслава. Своеобразный античный хмель стихов Иванова, его «Менад», его «Страдающий Дионис» звучали в зале Abeilles. Вячеслав жил в Женеве, в квартале Шатлен.

У нас было впечатление преемственности с Женевой, где в период до Первой мировой войны было столько русских студентов и еще больше русских студенток, и проезд через которую со времен Карамзина составлял часть Большого европейского тура молодых русских аристократов. В этой русской Женеве Русский кружок, появившийся под сенью собора, освященного в честь праздника Воздвижения Креста Господня, и перемещенный во дворец народного образования, подаренный женеvским народом своей «Академии», основанной Кальвином, следил за событиями, которые происходили на протяжении пятидесяти лет истории русско-швейцарских отношений. В одно время он ориентировался в основном на для потомков русских эмигрантов, приехавших из Югославии, Франции или Германии, в другое был открыт ветрам перестройки и заполненными русскими, обласканный Союзом писателей, избегаемый или удостаиваемый чести со стороны консульских властей, радостно заполнявшийся в 1990 годах интеллектуалами перестройки, которые стремились давать советы молодой русской демократии (византолог Сергей Аверинцев, лингвист Вячеслав Всеволодович Иванов, критик Наталья Иванова, историк литературы Александр Архангельский, ставший одним из частых ведущих на телеканале «Культура»).

Было время, когда на первом Мирном конгрессе Гарибальди по-братски обнимал Бакунина и Александра Герцена, тогда как Достоевский присутствовал анонимно, гневно обдумывая своих «Бесов» и ругая Женеву, «настоящую каторгу» и центр анархизма... Было время, когда улица Каруж («Каружка») была практически русской, и издатель Эльпидин печатал Толстого, подвергаемого в России цензуре, наполняя опечатками небольшие произведения... История продолжается, но мы находимся на нелегком распутье между Россией и Западом.

В Женеве также находилась «Громада», украинское общество сопротивления русскому империализму, которое возглавлял Драгоманов. А несколько лет назад в нашем Кружке был организован вечер с историком Портновым на тему «Как Украине и России понять друг друга?» Вопрос, который мы можем расширить: «Как России и Европе понять друг друга?» Он был недавно поднят журналистом Владимиром Познером, а до него об этом пророчески говорил историк Михаил Геллер. На этот вопрос, как всегда, нет ответа...

Этот вопрос Кружок задавал себе в каждый из трех периодов своего полувекового существования: скромный период, когда мы представляли русскую культуру *in*

partibus infidelium; период блистательный, когда Брежнев подарил нам лучших представителей советской интеллигенции; зрелый период, когда, с возвращением в Россию свободы, наш Кружок, последний уцелевший среди различных «Пушкинских клубов», располагавшихся в Лондоне, Оксфорде, Париже, является новым «малышом» среди больших проектов, финансируемых новой Россией, но продолжает свое исследование «Присутствующей и отсутствующей России». Будем надеяться, что он не станет чем-то вроде русской епархии in partibus infidelium («за границей») в заново разделенной Европе.

От редакции: В пятом выпуске журнала *Наша Газета*, только что вышедшем в свет, есть статья, посвященная 50-летию Русского кружка, проиллюстрированная уникальными фотографиями из личного архива Жоржа Нива. Журнал можно [заказать](#) или приобрести во время конференции, с программой которой можно ознакомиться [здесь](#).

[университеты Швейцарии](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/cultura/18431>